

"У меня живет паук по имени Исаак..."

Собака Буцик

Собака Буцик.

Дворняга. Самостоятельный, умный, независимый.

Маленький, кривоногий, очень сексуальный, хотя, завидев кость, соскакивал с девушки и бежал к миске.

Он знал, что главное, — жизнь научила.

Жил у нас.

Но я его часто встречал в трамваях.

Он ехал в город, из города.

Соскакивал на нужной остановке, бежал домой.

Не лаял.

Свою территорию охранял.

Нашу нет.

У нас ел до отвала, но через час я встречал его в кафе.

Он выпрашивал милостыню: — Мадам, три дня без пищи...

Я шепнул: — Буцик! Ты же только что сожрал вчерашнюю кастрюлю борща...

Он мне сделал: — Тс-с-с...

Мадам! Я офицер... Я служил в органах. Уволен. Оклеветан. Опозорен детьми. Из-за дамы, мадам. Ее перевезли сюда, и я пешком из Алма-Аты, через Астрахань — в Крым, в Ялту. У нас встреча на набережной. Любовь, мадам... Только любовь может гнать офицера из органов в эту глушь... Три дня без пищи, мадам... Если бы вон ту косточку с котлеткой и вон с тем гарниром, я бы вас проводил, мадам. Здесь масса хулиганья, стаи бездомных, мадам. А в схватках я незаменим, вот он подтвердит.

Я кивнул.

— Дело не в росте. Я знаю приемы. Против ножа, против пистолета. Я б вам рассказал, мадам, что чувствуешь, когда идешь против троих... Я вижу, вы перешли к сладкому... Официант,

не убирайте мясное... Вон ту косточку, мадам, и я расскажу вам о себе. Меня переводили в Кремль на охрану первого лица. Вы понимаете: содержание, форма, витамины, три кинолога и я. Мы все выходим и идем по Красной площади... Обо мне делали фильм... Буцик-2. Сокращенное от Бронислав Кугенгейм — имею честь, мадам, — потомок графских кровей — ищю польска не сгинела — шпоры не ношу, хотя на лошади как влитой... Все бы сложилось, если б не коты... Эти мерзавцы так увертливы... Даже если ты его скрутил — у него в каждом месте коготь или клык. Я сторонник переговоров, мадам, но там же не с кем говорить. А эти издевательства. Эти оскорбления. И только, когда ты за решеткой. Эти сволочи всегда на свободе. Почему их не сажают на цепь? Как они так устроились? А в те редкие минуты, когда я за решеткой, он и начинает: и рожи, и оскорбления, и вызов на бой, причем к нему на дерево. И знает же, когда я голоден. А я голоден всегда, мадам, работа такая... Тут он и начинает. Садится жрать буквально там, где кончается цепь. Рассчитывает, сволочь, математически. И жрет, мадам, то, что ему вредно, — мозговую кость с кусками мяса... Давится, подонок, кашляет, ложится на мясо и отдыхает. Мразь — на мясе, на отварном, на глазах на моих. Можно тронуться умом, мадам. И нажравшись, навалывшись, укатывает кость... Я бы уже ее как-то носом достал... И он догадался... А когда я вырываюсь — его нет... Десятки кругов даю с переулками — нигде нет. Растворился. Как в будку посадят — он сидит напротив, но о врагах ни слова.

Могу проводить, мадам... Я езжу на всех видах транспорта, кроме такси... О! Вы так щедры... Вы заказали специально для меня... Блинчики с мясом... О! Мадам!.. Как подаешь?! Как подаешь, болван! Вниз! Вниз, на пол клади... Это для меня. Извините, мадам. За любовь!.. Вы бокал, я эту кость... За чувство. За расстояние. За образ любимой... За Крым, за эту волосатую грудь, под которой сердце офицера КГБ! За вас, мадам!

Буцик погиб в драке со стаей собак.

Похоронен на моей даче у забора с видом на Крым.

Собака Даша

Встал я утром.

Пришел я утром.

Собака Даша у нас страдает.

В будке, на цепи, на проволоке.

Молодая, длинноногая, ласковая, но печальная.

Ночами воет. Будит. Беспокоит.

Встал я утром. Пришел. Я утром пришел. Я к ней.

— Ты чего? — спросил я Дашу. — Воешь по ночам, — спросил я Дашу. — Я же молчу, хотя верчусь, храплю, страдаю. А ты воешь, Даша, — воешь. Ты чего?

— Душа болит.

— Вот не знал, что у собак душа.

— Но мы же воем.

— А мы хохочем.

— Я думала, что это лай?

— Нет, хохот. Это когда... Когда... Когда... Мы слышим не то, что видим. Мы начинаем хохотать. А вам кажется, что лаем. Но посмотри, я тебе и будку, и загончик, и еду.

— Нет, — сказала Даша. — Материально ничего. Но эти ночи... Ты когда-нибудь однажды ночью на цепи сидел?

— Боюсь, что да!

— В мои-то годы?

— Боюсь, что нет!

— Что же ты всего боишься, хозяин?

— Я каламбурую, пес.

— А я и туда не могу. И здесь не могу. Вот что ты сделал со мной. Мой хозяин.

— Снять ошейник?

— А я уже сбегала. Музыка там. Кафе. Таких, как я, ханыг голодных...

— А я и не знал.

— А я вернулась... Я и сейчас из ошейника выдергиваюсь, смотри... А вот так одеваю...

— Значит, и сбегать не хочешь.

— Нет... Валяюсь и вою. Как луна по краю облака ударит серебром. Я не могу. Я не могу... Я не могуууу...

— Ты выть мне перестань.

— А теперь прикинь — мне сколько? Около года уже.

— Это что, много?

— Да уже немало. Ты о детях что-нибудь слышал?

— Ха!

— Нас было шестеро. Нам было хорошо.

— Ну, вам и поесть было нечего.

— Зато все свои. Вот у тебя еды много, а свои есть?

— Ха...

— И меня ты вырвал, посадил на цепь. Налил миску и попрекаешь.

— Хочешь назад?

— Нет. И туда не хочу, и обратно. Конечно, здесь супы, уколы, прививки...

— Ты всем мешаешь.

— Ну выгони.

— Ты успокойся.

— Я спокойна.

— Завтра поведем знакомиться. Есть тут один. Полюбишь.

— Лучше его сюда?

— Нет... Он слишком дорогой. Так что сиди. Молчи. Нет. Нет... Молчи... Молчи...

Я вышел к сторожу и приказал потуже затянуть ошейник и от луны доской отгородить.

Фелиция

Наша кошка Фелиция, преданная, но мрачная красавица, принесла Наташе в постель половину мышки.

Я думаю, лучшую половину.

Она очень любит Наташу.

И не могла понять, отчего шум, гам, беготня.

Она шептала:

— Позвольте! Извините. Неужели после колбас, сосисок вам не хочется чего-то свеженького? Это же деликатес.

Все кричали:

— Забери! Унеси!

— Ох, — вздохнула Фелиция. — И как их понять, если они сами себя не понимают. Не хотите есть свежую, можете отварить.

— Убери немедленно, гадкая тварь!

— Да уберу, уберу! — шептала Фелиция. — Лично я предпочитаю живую дичь. Это еда аристократов. Это во-вторых. А во-первых, ты ее поймай! Подежурь с мое, погоняй по дому, а потом ори. Ничего не видела отвратительней хозяина с соленым огурцом во рту, в очках.

Дай пройти.

Дикари!

Тишка-Тихон-Тишка

Огромный черный грязный одесский кот.

И Фелиция — москвичка с белым носиком, белыми лапками, чистенькое, ароматное создание. Ее берут в Одессу на лето.

Тихон — местный бабник.

Кот со стальными нервами.

Даже присутствие чужого рыжего пса Аркадия его не волнует.

Он влюблен в холодильник.

Он спит, прижав лапкой дверцу.

Днем трется возле него, нежно мяучит:

— Давайте заглянем... На секундочку... Мы не будем ничего от туда брать. Мы просто откроем, заглянем и закроем. Я забыл, что там. Я, кажется, туда что-то положил вчера. Кажется, сосиску. Да. Точно. Вспомнил. Я положил сосиску. Таковую розовую. Приятную. Да. Точно. Мы сейчас откроем. Глянем — есть ли она там, и тут же

закроем. Мр-р-р-р... А-а-а... Ну кто здесь хозяйка? Наталья Валерьевна, на одну минутку... Кто там рычит? Фелиция? Не обращайтесь на нее внимания.

Фелиция с подоконника:

— Ну, мразь! А вы ему верите. Он туда сосиску положил? Эта жадина? Ненавижу. Эти одесситы — такие лжецы, предатели, хитрюги... Мы, русские... То есть вот у нас в Москве... Ну, конечно, холодно. Мы почти не выходим. И грязь, и снег. Не очистишься... Но мы все чистые. А этот — посмотрите на его зад. В паутине. И, смотрите, что с ним творится!

Где он был всю ночь?! Шерсть скаталась, плешь между ногами. Представляете — протер...

У нас с едой нет проблем. Потому что мы не жадные.

Вы посмотрите на него! Пш-ш-ш! Пошел вон!

Отвратительный мужик! И запах от него...

П-ш-ш! Пошел вон!

Я просила его кастрировать. Я в ногах валялась. Отрежьте ему. Я вот это его видеть не могу.

Всё! Выпустите меня! Я оттуда полюбуюсь на мучения этого лжеца.

Сосиску он положил!..

Не давайте ему ничего. Я сама видела — он спит с собаками! Вот пусть и жрет их кости!

Всё! Я пошла на концерт у моря! Там чудный мюзикл "Кошки". Сейчас я мелодию оттуда вспомню — "мр-р-р... я-я... мр-р-р...". Из-за этого мерзавца только про солдат — "он солдат, мама, на границе...". Нет... М-р-р... Тьфу... Вы все мне неприятны. На концерт, на концерт...

Маленькие домашние

* * *

Песик японский пекинес умер от инфаркта, когда перед ним внезапно открыли зонт.

Он увидел мир в черном цвете.

* * *

Купили попугая.
А в доме была кошка Санта-Барбара.
Персидская, очень добрая и спокойная.
Попугай скончался в клетке.
Она лежала наверху.
Он внутри скончался от инфаркта.

* * *

Другой попугай стучал клювом в зеркало, кричал: "Программа
"Время"! — и хохотал: — Ха-ха!".
Скончался от инфаркта.

* * *

Можно ненавидеть друг друга. Можно входить в метро, не глядя друг на друга. Можно ехать в вагоне, уткнувшись в журнал.
Но стоит запищать десяточку голосков в корзинке у девушки.
Стоит заглянуть туда...
А там, прикрытые сеточкой, копошатся желтенькие, как солнышко, цыплятки.
И все перестанут думать о себе.
И все скажут: "Цып-цып-цып!".
И просветлеют.
И никто не спросит, куда их везут, чтоб тактично не испортить себе настроение.

* * *

У меня живет паук по имени Исаак.
Работяга.
Поставишь ведро — тут же привяжет к умывальнику. Письменный стол — к трубе. Сковородку — к газовой духовке. Меня привязывает к стулу и письменному столу: "Сиди, пиши, чего ты носишься!..".
Исаак... Хозяин!

